

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Силла и Рольф Бёрлинд

Черная заря

Москва
2018

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Б49

Cilla & Rolf Börjlind
SVART GRYNING

Cilla and Rolf Börjlind 2014 by Agreement with
Grand Agency and OKNO Literary Agency, Sweden

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на суперобложке *Вячеслава Коробейникова*

Бёрлинд, Силла.

Б49 Черная заря / Силла и Рольф Бёрлинд ; [пер. с швед. Ю. Колесовой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. — (DETECTED. Тайна, покоровшая мир).

ISBN 978-5-04-091306-0

Жестокое убийство чернокожей девочки повергло Швецию в состояние шока. А через несколько дней в Стокгольме убили мальчика, сына шведа и иранки. Неужели поднявшие голову неонацисты запустили волну насилия, как они давно обещали это сделать? В расследовании детективу Оливии Рённинг помогает ее старый друг, бывший полицейский Том Стилтон, у которого свои счеты к расистам...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-091306-0

© Колесова Ю. В., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Сокрыт
в толпе
сей корень зла.

Бруно К. Ойер.
Из сборника
«Черно как серебро»

Отель «Шератон», Стокгольм, 2005 г.

По поводу этих четверых бармену все стало ясно, едва они вошли — так опытный бармен с первого взгляда считывает посетителей. Особенно необычных.

А эти четверо явно выделялись.

Не одеждой — одеты они были безупречно: темные костюмы, белые рубашки с галстуком. Нет, в сознании бармена отпечаталось нечто другое.

Скорее единообразие — мужчины двигались как одно целое, близко друг к другу, одинаковые сдержанно. «Полицейские?» — подумал он. Возможно. Все коротко пострижены, все четверо выглядят как этнические шведы.

Четверка скрылась в отдельном кабинете.

Часы показывали около девяти, в баре сидели разрозненные посетители, легкие мелодии, виртуозно выводимые пианистом, звучали как ненавязчивый фон к негромким разговорам... Никто не повышал голоса, а желание заказать обозначалось поднятием пальца и взглядом на официанта — словом, атмосфера царила, как обычно в баре отеля: нейтральная.

Снаружи шел небольшой дождь.

Бармен поймал взгляд высокого долговязого официанта и кивнул в сторону отдельного кабинета. Официант покачал головой — ему не нравилось, когда ему указывают. Столики — его территория, и когда появлялись новые посетители, он сам определял, в какой момент к ним подойти.

Официант потер пальцами золотое кольцо в ухе и вразвалочку направился к отдельному кабинету, словно просто случайно шел в ту сторону. Находясь в паре метров от странной компании, он достал из кармана маленькую зажигалку, щелкнул ею и зажег свечу в стеклянном подсвечнике на столе перед этими незнакомцами.

— Что будете заказывать? — спросил он, не включая свой самый любезный тон. Вид этих посетителей не располагал к беседе. И официант их не интересовал. Разве что как поставщик крепкого.

— Четыре виски без льда. «Гленфиддик».

Заказ озвучил мужчина, сидевший в дальнем углу. В течение секунды официант оценивал, спросить ли о размере порций или принести стандартные — по сорок грамм.

— Орешки желаете? — поинтересовался он.

— Нет.

Сделав неопределенный поклон, официант повернулся к посетителям спиной и направился к бару. Мужчины, сидящие в кабинете, смотрели ему вслед.

— Гомик, — сказал один из них.

Больше никто на эту тему высказаться не пожелал. Мужчина, заказавший виски, достал четыре листочка бумаги и разложил их перед собой на столе. Одной рукой он смешал бумажки, как карты.

— На каждом по имени?

— Да.

Мужчины вытащили по бумажке, перевернули их и прочли слова, написанные посередине каждой, а потом одну за другой сожгли бумажки на пламени свечи. Это заняло некоторое время — достаточное для того, чтобы официант успел вернуться с заказанными напитками. Он выставил на стол четыре стакана, положил маленькие салфеточки и снова удалился.

Дождавшись, когда он отойдет на достаточное расстояние, мужчины подняли свои стаканы, посмотрели друг на друга и произнесли одинаково тихими голосами:

- Честь.
- Иерархия.
- Дисциплина.
- Преданность.

Они чокнулись и отпили по глотку. Один из них запустил руку во внутренний карман, вытащил лист бумаги и, развернув его на столе, придвинул к себе свечу.

— Вот набросок, — проговорил он.

Остальные подались вперед. Один из них бросил взгляд на официанта — тот находился на другом конце зала. Мужчина, державший бумагу, откашлялся, прежде чем начать читать:

- «Правила Нового Рейха».
- Это заголовок? — спросил один из его товарищей.
- Да, как пример.
- Здорово.

Мужчина снова уткнулся в бумагу:

— «Национал-социалистическая революция в Швеции будет осуществлена образованием народа. Это...»

— За счет, — перебил его сидящий рядом человек.

— Что?

— *За счет образования, не образованием.*

Мужчина с бумагой достал из внутреннего кармана карандаш, исправил ошибку и начал сначала:

— «Национал-социалистическая революция в Швеции будет осуществлена за счет образования народа. Это будет сделано руками сильных и дисциплинированных мужчин. Наше движение будет преобразовано в государственную структуру по типу ордена или братства. Цель — свободное государство под нашим управлением».

Этот мужчина читал еще несколько минут и закончил словами:

— «Наш путь — единственный путь спасения Швеции».

Затем он поднял глаза.

— Ну как, хорошо звучит?

— Да, чисто теоретически, — кивнул один из его собеседников. — Вопрос в том, как мы будем это распространять. Как мы сформулируем наш посыл, чтобы простые люди поняли, почему это необходимо?

— Просто скажем все как есть. Скажем, что наш народ погибает, что вся раса под угрозой вымирания — все, что нам дорого, подвергается осквернению.

— И уничтожению.

— Вот именно. Такое все должны понять, ведь предельно ясно, а?

— Ага. Теперь к тому же и Окессон¹ на месте, он нам проложит дорогу наверх. Он увертлив, как угорь. Если ему удастся просунуть хотя бы носок ботинка, то потом и вся дверь откроется.

— Надо ли в тексте приводить примеры? Кто именно угрожает нашему существованию?

— Мне кажется, необходимости нет — это и так все знают. Негры. Евреи. Цыгане.

— Иммигранты.

— Педики.

Мужчины покосились на официанта. Он уловил это, но догадался, что гости не намереваются больше ничего заказывать. Их взгляды означали нечто другое, и он обернулся к бармену:

— Эти в углу.

— Что?

— Неприятные типы.

— Посетители.

Бармен удалился с парой грязных стаканов в руках. На самом деле он был полностью согласен с официантом — от этих мужчин, сидящих в отельном кабинете, исходило нечто такое, что трудно было передать словами, но он не собирался делиться своими ощущениями с коллегой. Такого рода реакции бармен обычно держал при себе.

Так будет лучше.

¹ Йимми Окессон (р. 1979) — шведский политик, глава партии «Шведские демократы».

Мужчины в черных костюмах просидели в отдельном кабинете еще два часа, то и дело заказывая виски. Количество выпитого должно было заставить их говорить громче, однако этого не произошло. То, что обсуждалось за столом, не предназначалось для чужих ушей. Когда часы показывали почти полночь, один из мужчин достал коробочку, завернутую в подарочную бумагу, и придвинул другому, сидящему напротив.

— Это мне? — уточнил тот.

— У тебя же сегодня день рождения. Это от всех нас.

— Спасибо.

Именинник поправил очки, раскрыл пакет и достал красную коробочку. Открыв крышку, он вынул пластиковую карточку — ключ от номера в отеле «Континенталь». Всего в квартале отсюда. Он поднял глаза и заметил, что остальные улыбаются.

— Номер триста четыре, третий этаж, — сказал один из них.

— У тебя же полгода телки не было, — добавил другой.

Их друг улыбнулся им и поднялся. Остальные остались за столом. Когда обладатель ключа вышел на улицу, трое оставшихся подняли бокалы.

— Будем гадать?

— В смысле — когда он вернется?

— Да.

— Через полчаса.

— Не более.

Мужчины расхохотались — впервые так громко, что этот звук донесся до бармена. Он покосился в их сторону и увидел, что один из них поднял пустой бокал. Бармен постучал пальцем по стойке, привлекая внимание официанта. К этому моменту оба уже поняли, что это означает — повторить то же самое.

Мужчина, получивший подарок, сидел на третьем этаже у окна, абсолютно голый. Так он сидел уже некоторое время. Огонек светофора проникал через стекло

и окрашивал его лицо то в красный, то в зеленый цвет, а глаза его следили за маленьким светло-коричневым тараканом, бежавшим вдоль плинтуса. Очки мужчина снял и держал на коленях — одна дужка переломилась. Длинный ворс гостиничного ковра щекотал его между пальцами ног.

Наконец он поднялся.

Сидящие в кабинете уже почти допили очередную порцию виски, когда один из них проговорил с улыбкой:

— Вот он идет.

Они посмотрели в сторону двери. В зале появился мужчина, ушедший чуть ранее. Он отсутствовал не полчаса, но что-то около этого — минут сорок пять. Подошёл к столу, именинник уселся на то же самое место, с которого ушел. Волосы у него были мокрыми от дождя. Остальные, сидевшие за столом, отметили, что лоб у него блестит и очки сидят как-то странно.

— Что у тебя с очками? — спросил один из них.

— Дужка отвалилась. А теперь у меня для вас подарок.

Мужчина поставил подаренную ему красную коробочку посреди стола, поближе к свече. Один из присутствующих открыл коробочку. Несколько секунд он разглядывал содержимое.

— Фу, какая дрянь! — Поспешным движением он отодвинул от себя коробочку. — Что ты сделал?!

Мужчина со сломанными очками подался вперед и задул свечу.

1

Хёганэс, область Сконе, 2013

Она всегда ехала на велосипеде одной и той же дорогой, от края Нового порта в сторону заказника Восточный Куллаберг и дальше до проселочной дороги Бьёркерёд. Там, где дорога заканчивалась, она останавливалась. В ленивые дни она делала небольшую передышку, пила воду и поворачивала обратно. В бодрые дни совершала небольшую прогулку по лесу.

Именно такой план был этим утром у Оливии Рённинг.

Она ехала на велосипеде по главной дороге, не прилагая особых усилий — торопиться некуда, на часах около семи, а на дежурство ей к десяти. На сером небе висели грозовые облака — как всегда в это время года, дождь все равно нельзя было принимать в расчеты. Не сводя глаз с канавы у обочины, девушка предалась своим мыслям. Пожалуй, это и было самым главным эффектом ранних велосипедных прогулок — они стимулировали мозг. Сочетание кислорода и движения запускало что-то, до этого дремавшее, и освобождало место для мыслей, не связанных с работой. Сегодня в ее сознании всплыл Уве Гардман. Именно из-за него она оказалась здесь — в должности полицейского по охране порядка в Хёганэсе. На самом деле Оливия мечтала о должности в Стрёмстаде, рядом с домом Уве в Нурдкlostере, но туда ее не взяли. Зато приняли сюда. «Ну ты все равно в нужном конце Швеции», — сказал Гардман. Контракт был под-

писан на шесть месяцев, и когда два из них прошли, Уве предложили участие в научном проекте в Коста-Рике, от которого он никак не мог отказаться.

И вот теперь она сидит здесь, в Хёганэсе, — и ей осталось еще четыре месяца.

Рённинг не воспринимала свою работу как предел мечтаний — скорее наоборот. Ни с кем в своем окружении она не познакомилась, а постоянное общение у нее было только с коллегами, причем поверхностное и не отличавшееся приятностью. В участке почти одни мужчины, разговоры и жаргон соответствующие. Неудобоваримые.

Особенно для нее.

Оливия не привыкла отмалчиваться. В первое время она потратила больше усилий на борьбу с предрассудками об иммигрантах, чем на конкретную работу. В результате это привело к невысказанной, но вполне ощутимой изоляции. Не то чтобы с ней совсем не разговаривали, но выпить пивка после работы не приглашали. Но ее это вполне устраивало. Легко догадаться, на какие высказывания может подвигнуть людей алкоголь, едва речь заходит «о тех, которые не такие, как мы». И это всего лишь фигура речи, когда они не желают напрямую говорить, что думают.

Между тем Рённинг свернула с аллеи на проселочную дорогу. Здесь дома были расположены на расстоянии друг от друга, и среди них попадались большие усадьбы, а людей что-то не было видно. Добравшись до конца дороги, девушка прислонила велосипед к большой сосне. Приятно будет прогуляться по лесу. Сняв зеленую резинку, она встряхнула длинными черными волосами, надела резинку на руль и вошла в лес.

Оливии не раз доводилось ходить по этому лесу, и она знала, что тропинок в нем несколько. Большинство из них она уже опробовала. На этот раз девушка выбрала ту, что уходила направо, под высокие сосны. Ей нравилось прогуливаться здесь — местность была сильно пересеченной, густой лес прерывался скалистыми

возвышенностями, холмы перемежались с ровными участками... В этих местах она часто встречала других гуляющих.

Но сегодня там никого не было.

«Может быть, дело в погоде, — подумала сотрудница полиции, — из-за того, что собирается дождь? Или время необычное?» Идти было легко, и она почувствовала, что стала дышать ровно и ритмично. До развилки тропинки Оливия добралась куда быстрее, чем обычно. Здесь она остановилась. Прямо тропинка довольно круто поднималась на скалу, вправо уходила в сторону побережья. Может быть, пойти посмотреть на то знаменитое произведение искусства? Нимис, парк скульптуры у камней Холе.

Рённинг двинулась в сторону моря.

Добраться туда оказалось не так-то просто — часть дороги проходила почти по болоту, а кроме того, путь ей то и дело преграждали низкие колючие кусты. Она уже запыхалась, когда различила наконец за деревьями море. Где точно расположен Нимис, девушка не знала, поэтому ей пришлось идти вверх по крутому берегу, чтобы найти его. У нее сложилось впечатление, что идти надо на запад. Через некоторое время она разглядела верхушки странных деревянных башенок и поняла, что парк находится там. Подойдя к краю обрыва, она увидела утопанную тропинку, отвесно, почти вертикально спускавшуюся вниз к воде. Неужели люди по ней ходят? Дикость какая-то! Однако Оливия осознала, что это единственный способ добраться до парка скульптур.

Опираясь рукой о землю, она стала спускаться, то скользя, то медленно сползая вниз. Через несколько минут перед ней открылась длинная деревянная лестница с навесом, построенная из обрезков досок и веток. Судя по всему, это вход. О Нимисе Рённинг где-то читала. Художник Ларс Вилкс создал здесь собственную империю, которую назвал Ладонией. На сегодняшний день он более известен тем, что создал образ пророка Мухаммеда в виде пса, сидящего на транспортной развязке, вынудив